

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СМУТЫ

На протяжении двух сезонов в Никитском клубе (что в помещении биржи) шли дискуссии о путях России. Материалы чтений (доступные в ксерокопии и в газете «Версты») поражают, прежде всего, разнообразием концепций, которые невозможно выстроить в ряд. Этот разноречивый сам по себе о многом говорит. Он впрямую подводит к смыслу, вложенному в слово «смута». Я не нахожу его эквивалентов в западных языках. Смута - полный развал культуры, недостаточно спаявшейся после ряда ломок. Как только распадается обруч самодержавия, наступает хаос. И из хаоса рождается, в стрессе, энергия спасения. Но ее надо выстрадать, как Русь XVII в. выстрадала Минина и Пожарского. Мы еще не выстрадали, не покалялись.

Повторяющиеся (хотя и не часто) смуты можно отчасти объяснить формированием Руси на перекрестке цивилизаций, плохо ладающих друг с другом. Только индийского влияния не было в русской истории. Сперва Византия, прежде чем рухнуть, наложила свой след на варяжско-славянско-половецкие племенные основы. Затем на византийский след лег татарско-монгольский (сам по себе изменившийся и ставший мусульманским). Да и Запад (еще до Петра) перебрасывал в русское сознание то повести, то порох... А потом петровская ломка... В России легче, чем где бы то ни было, выскочить из истории, из традиции - в утопию. И не случайно с России начался кошмар XX в. Как только лопнул обруч самодержавия, можно было начать что угодно, хотя бы и коммунизм. В обществе, потерявшем свою внутреннюю цельность, могла победить и стать стержнем государства любая идея и продержаться, пока всякая идейность не стала вызывать тошноту.

Социальные кризисы случались и во Франции, и в Англии. Но никакая фронда, никакая война алой и белой розы не сравнятся со смутой по духовному хаосу, по потере всех ориентиров. Одно слово - смута. Она не сводится к ближайшим, рационально постижимым причинам. В глубины смуты заглянул только Даниил Андреев, и эти страницы - из самых пронзающих в «Розе мира». В смуте ставится под вопрос само существование русского народа. Роман Астафьева перекликается со «Словом о погибели русской земли, написанным четыреста лет тому назад.

Отдельные авторы подходят по касательной к этому кружению в омуте. И все касательные мгновенно верны (пока не очень удаляются от окружности), а затем, по железным законам логики, уносятся в царство абстракций. Простейший пример можно взять из размышлений Игоря Яковенко (безусловно интересных): «Лет тридцать назад в России сменился традиционный корпус сказок: персонажи Толкиена, Мэри Поппинс, Карлсон и Мумий Тролль принесли новые измерения тому пространству, в котором вырастают дети. Этот мир буквально вытеснил, отменил скатерть-самобранку и главного героя русской традиции - юродивого, асоциального Иванушку-дурачка» ...

Индукция Яковенко, прежде всего, не полна. За последние тридцать лет дети стали читать и К.С.Льюиса, у которого лев Эслан жертвует собой, чтобы спасти согрешившего мальчика, а потом воскресает. Христианская тенденция есть и в эпосе Толкиена (особенно в английском подлиннике). А «Бесконечная история» Михаэля Энде? В страну фантазии нельзя войти, не позабыв все, что знал, не погрузившись в полную духовную нищету. В другой, маленькой сказочке Энде Христос говорит растерявшемуся человечку, мир которого рушится: «учись падать и держаться ни на чем, как звезды». Ребенок, читающий все это, может увлечься как раз тем, чем не следует. А подросток, увлекшийся американским кино, с удивлением найдет Иванушку-дурачка, получившего политическое убежище в США: «Человек дождя», «Форест Гамп», «Зеленая миля» (по роману того самого Кинга, который в «Победе из Шоушенка» рисует традиционный англосаксонский идеал). Вот как широка Америка...

Наконец, даже вернувшись к тому кругу сказок, которые названы Игорем Яковенко, трудно понять, каким образом Карлсон, живущий на крыше, поможет решить задачу, поставленную несколькими строками выше: «система школьного образования может быть построена вокруг четырех сквозных дисциплин - логики и риторики, курса экономики и курса права. Если ввести их с пятого класса и пронизать ими остальные школьные курсы, то через десять лет вырастет поколение, в сознании которого не останется и следа от «ценностей» синкретизма» (то есть от чувства целого, мешающего линейному программированию).

Бедные дети! Я все это уже проходил - только в другом наборе. Надежда Константиновна Крупская уже выбрасывала из библиотек все лишнее. Наш класс (он назывался группой) был разбит на бригады по шесть человек, и полагалось решать задачи совместно. Отметкой было только «уд» и «неуд» (чтобы пятерки не будили буржуазного индивидуализма). История была упразднена (она могла запутать наш ум) и заменена обществоведением, то есть знанием марксистских схем с несколькими примерами. Я был хорошим учеником. Однажды я даже получил запрещенное ВУ (весьма удовлетворительно) за разработку теории перманентной революции (лет мне было от роду - тринадцать). Но мне было очень скучно жить. В шестнадцать лет я как откровение нашел потрепанный роман Стендаля и погрузился в его «эготизм». В семнадцать закончил сочинение «кем быть» словами: «я хочу быть самим собой». В двадцать меня перевернули «Записки из подполья», а в Кириллове, задумавшемся о месте человека в бесконечности без Бога, я нашел своего брата. В двадцать один моя курсовая работа «Величайший русский писатель» была осуждена на кафедре как антимарксистская и за мной был установлен негласный надзор. В «Блистающем новом мире» Хаксли для таких мальчиков была придумана резервация. Любопытно, что Игорь Яковенко думает делать с мальчиками, которым опостылело $2 \times 2 = 4$? Советская история предлагает для этого ст. ст. 7, «социально опасный

элемент» 35, «связь с социально опасной средой» (знакомство с Карамазовыми несомненно опасно для идеалов рационализма).

Я вовсе не против изучения основ экономики и права, но не хлебом единым сыт человек, и школа должна учить не только тому, как выжить, но еще - как обрести смысл жизни. А то ведь статистика (есть и такая наука) учит, что в сверхблагополучных странах - рекордное число самоубийств. К тому же, семь тучных коров не вечно жируют на лугах; иногда за ними следуют семь тощих, и экологи считают, что их не миновать. Путь вширь - от одной автомашины на семью к двум, трем, четырем - будет перекрыт. Останется только один путь развития - внутрь, по духовной вертикали, в обществе, достигшем стабильного равновесия с природой и остановившемся во внешнем росте...

Странное дело! Почему-то в России даже путь в открытое, плюралистическое общество приобретает аракачевскую прямолинейность. Хочется подыматься в гору не кружением, серпантинном, постепенно беря высоту, а - одним рывком. Ну - и срываемся, и летим вниз. Почти у всех авторов русский народ берется как один человек, с одним складом характера, который предлагается исправить. Только Голубов вспоминает контрастную пару - Обломова и Штольца - и тут же предлагает соединить их, привить к Обломовскому стволу несколько веточек от Штольца. Совсем как невеста в гоголевской «Женитьбе» , создавая образ идеального жениха.

На самом деле, одна из особенностей России - множество типов, резко противоположных друг другу. Русская литература поняла это лучше социологии. К примеру, у Федора Павловича Карамазова четыре сына: Алексей Федорович - и Павел Федорович (Смердяков); Иван Федорович (интеллект, дошедший до страсти) и Дмитрий Федорович (страсть, дошедшая до философских открытий). История тоже умнее социологии. На троне, если личность, то из ряда вон выходящая. За Иваном Грозным - юродивый Федор Иванович; за бешеной энергией Петра - ленивая чувственность Елизаветы, с мужским гаремом и 15.000 платьев.

В чем-то история дополняет литературу - обошлась без Штольца. Штолец вырос не из жизни, а из головы, хотевшей европейски аккуратной энергии. А там, где процветают Обломовы, энергия приобретает взрывной, демонический характер, строительно-разрушительный и разрушительно-строительный, с перевесом то на стройку, то на ломку. И не надо выписывать из-за границы, свои есть: Иван Грозный, Петр Великий, Владимир Ленин... с прибавкой обрусевших инородцев: Троцкий, Сталин.

Некоторые авторы видят в смуте только смуту, никакого выхода из смуты. Это проще всего: сегодня дождь, значит завтра будет дождь и послезавтра и без конца - дождь. Но немногим лучше попытки выйти из смуты, упразднив все лишнее, не лезущее в прокрустово ложе идеального европеизма. При этом упускается из виду, что великие

европейские нации вовсе не монолитны, по крайней мере - не всегда тяготеют к золотой середине. Противоречия французского духа менее размашисты, чем русские pro и contra, но во все переломные эпохи повторяются контрастные типы: Рабле и Кальвин, Вольтер и Руссо, Анатолий Франс и, как мне казалось раньше, Роллан, но это от неполноты информации; а теперь думаю - Бернанос. Что типичнее? Иронически-чувственное начало или нравственно-религиозный пафос), взрывы революционной риторики и религиозного фанатизма.

В том-то и дело, что оба! Так и в России. Кто более русский, Савельич или Пугачев? Сейчас, после похмелья, и Лихачев, и Непомнящий сказали бы: Савельич! Однако народ-богоносец голосовал в 1917 году либо за эсеров, либо за большевиков. Обе партии, говоря современным языком, экстремистские, террористические. А кто за православие? После февральской революции 90% солдат перестали приходить к исповеди, а после октябрьского переворота - 99% (цифры приводит надежный автор - Деникин).

В стране, где традиция не успевала сложиться, как ее уже ломали (татарская ломка, петровская ломка), амплитуда колебаний шире

европейских параметров. От этого никуда не уйдешь. Одним махом ее можно сковать, загнать неустойчивость внутрь, закрыть на нее глаза - но не упразднить. «Широк, слишком широк человек, я бы сузил!» - восклицает герой Достоевского. А Достоевский от широты не отказывается, он работает с ней, как с материалом, данным историей, и из противоположностей создает цельность своего романа, никому не затыкая рта, каждому давая высказаться - и святому, и мерзавцу. К сожалению, в политике это пока никому не удавалось и вряд ли может быть достигнуто одним гением. Тут нужно общее усилие, может быть, воспитанное школой (здесь я с Яковенко согласен), вместе с хорошо продуманными передачами ТВ о взлетах русской культуры и прежде всего - литературы XIX в., во всей ее многообразной полноте. Ненавязчиво создавая чувство ответственности за сохранение культуры как традиции достойно прожитой человеческой жизни. Пусть сперва только у меньшинства - но дорога в тысячу ли начинается с первого шага.

Никакое правительство - ни Брежнева, ни Горбачева, ни Ельцина, ни Путина не мешало убрать мусор с опушек пригородных лесов, с улиц поселков, и даже виртуальное правительство Жириновского не стало бы этому противиться. Не хватает чувства стыда, которое я испытываю каждый раз, входя в лес. И если народ будет охвачен стыдом, он эту задачу решит. Сперва - очистить землю от мусора, при самой минимальной помощи государства, а потом уже решать более сложные задачи (очистить администрацию от коррупции, бизнес от бандитизма). И не жить в грязи и мечтать о великой Евразии.

Культура - секретное оружие, способное решать даже некоторые практические задачи, перед которыми пасуют политики. Например, ассимиляцию иммигрантов (а в прежние времена - варваров-завоевателей). В обзоре упоминается подсчет демографов, что через двадцать лет в Москве и Питере будет 40% мусульман. Это очень смягченная форма мировой проблемы. Острее всего она в Израиле. Там через 20 лет будет 50% избирателей-мусульман (речь идет не об автономии, автономия не в счет). И ни один министр не знает, что с этим делать. Достаточно остро стоит вопрос и во Франции, и в США (где быстро растет доля афроамериканцев). Умберто Эко писал о креолизации наций, и вероятно он прав. Но у нас современное переселение народов захватывает главным образом столицы, то есть центры, где сосредоточены все основные силы русской культуры, и влияние русской культуры на иммигрантов может быть наибольшим. Была бы культура...

Напомню некоторые известные факты. Все завоеватели Индии (до ислама) занимали свое место в индийской системе каст, а в Китае - становились китайцами. В этих случаях имело значение человеческое море, объединенное субглобальными цивилизациями Индии и Китая; в море нетрудно потонуть. К нашим делам ближе пример Ирана. Дважды завоеванные (сперва арабами, потом монголами), иранцы создали такую блестящую литературу на новоперсидском языке, фарси, что этот язык на несколько веков оттеснил арабский в богословие и стал общим языком культуры Ближнего Востока. И когда очередные завоеватели, кизылбаши, захватили Иран, они сделали государственным языком не свое тюркское наречие, а фарси. Таким образом, восстановление независимости Ирана произошло сперва на небе поэзии; его совершили Фирдоуси, Саади, Гафиз; а кизылбаши только перенесли небесную победу на землю.

Этот пример говорит, однако, и о границах самостоятельности страны, отстоявшей себя в рамках единого религиозно-культурного мира, или, пользуясь современными терминами, субглобальной цивилизации. Субглобальные цивилизации складывались тысячелетия. После разгрома Византии исламом их осталось, как и было, четыре: Запад, Ближний Восток, Южная Азия и Дальний Восток. Каждая субглобальная цивилизация имеет свою священную книгу (свой набор священных текстов), свой язык святого писания (в Южной Азии - двуязычие) и свой шрифт, принятый и языками новых наций. На Западе это латинский перевод Библии, латинский язык и латиница, эстетика которой связана и с эстетикой архитектуры. В мире ислама - Коран, арабский язык богословия, арабская вязь. В индийском и прииндийском пространстве - Веды, упанишады и примыкающие к ним тексты, санскрит (для южных буддистов пали), шрифт деванагари. На Дальнем Востоке - набор священных текстов китайской культуры и иероглифы. Область понимания иероглифов - граница Дальнего Востока (так же как латинский шрифт - граница Запада или знак вестернизации).

Территориальные границы издавна передвигались, информационные сдвинулись только недавно.

На стыке Индии и Китая возникла культура Тибета, обладающая субглобальными чертами. Но для этого нужны были несколько веков и горы, загородившие от других контактов. Выстроить особую евразийскую субглобальную цивилизацию нет ни времени, ни возможностей. Поезд уже ушел. Можно лишь занять достойное место участника субглобального и глобального диалога, наподобие Японии, одновременно дальневосточной и мировой нации.

В этих рамках возможна и ассимиляция этнических чужаков. В России уже складывалась двукультурность казанских татар, остававшихся мусульманами и в то же время носителями русской литературной традиции (отчасти подобно тому, как образованные азербайджанцы были, по крайней мере когда-то, носителями иранской культурной традиции, а в Южном Азербайджане и сейчас остающихся ими). Ислам - самая простая из великих религий, она легко и крепко захватывает массы, и религиозная ассимиляция мусульман в православии противоречит всякой вероятности. Даже если бы православие было реформировано в духе Антония Сурожского, это неразрешимая задача. Но при наличии живой и яркой русской литературы, музыки, кино, ТВ новые мусульманские жители Москвы и Питера станут участниками русской культуры так же, как татары. А религиозного плюрализма нам так или иначе не избежать.

Страна, под которой раскинулось планетарное небо, с планетарным единством информации, не может уклониться от вселенского кругозора, от решения вселенских задач, в соревновании со всеми великими нациями. Выход из смуты - в самостоятельном развитии новых вселенских идей.